

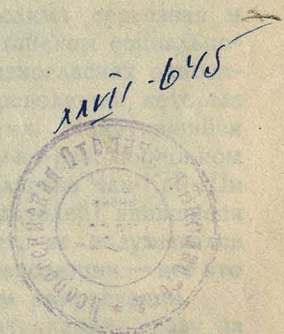
XX $\frac{2}{33}$

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОСТОК

ЖУРНАЛ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА ИМ. И. В. СТАЛИНА

№ 2

ИЗДАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА ИМЕНИ т. И. В. СТАЛИНА

МОСКВА 1927

хии. С другой стороны, не менее активно крестьянское движение. Крестьяне, рука об руку с пролетариатом, борются против монархической власти и феодальных пережитков в деревне. Положение в Японии крайне напряженно, оно указывает на приближающееся столкновение между буржуазной монархией и поднимающимися трудящимися массами. Очередными задачами японской компартии должны быть: организационная и тактическая подготовка пролетариата—гегемона грядущей революции, объединение трудящихся масс вокруг классовой пролетарской массовой партии—рабоче-крестьянской — под руководством коммунистов, активное участие в повседневной борьбе рабочих и крестьян, объединение профсоюзов и, как основное, тесная связь и сотрудничество с великой китайской революцией.

К. Ямоно.

Манапство в горной Киргизии¹⁾.

Летом 1925 г. мне пришлось побывать в горной части Киргизской автономной Советской Социалистической Республики (в то время — Кара-Киргизской автономной области) в целях выяснения существующего там социального строя. Научная литература о социальном строе Киргизии вообще бедна, о горной же ее части написано еще меньше; большинство данных относятся к концу прошлого столетия и в настоящее время значительно устарели, да и то немногое, что существует, требует проверки, так как и этнографы и историки путали киргизов (кара-киргизов) с казаками (киргизами-казаками). Действительно, древнейшие сведения о киргизах весьма сбивчивы и допускают такую путаницу, но антропологическое и этнологическое исследование киргизов дает все основания считать их особым от киргизов-казаков народом. Наиболее чистый тип киргизов и наиболее древние социальные отношения сохранились в горных, изолированных от внешних

¹⁾ Статья эта представляет собою главу из книги того же автора: „Горная Киргизия“, которая вскоре выйдет из печати.

влияний районах; и здесь они подверглись воздействию народов-соседей, но все-таки киргизский быт проявляется в более древних формах, чем возле городов Мерке, Фрунзе (Пишпек), Токмак, Каракол (Пржевальск) и Нарын: там влияние русских колонистов и (в восточной части республики) китайцев очень сильно. О северной же Фергане, которая также входит в состав территории Киргизской республики, и говорить нечего — киргизы сохранили там только свой язык, но в быту и способах ведения хозяйства они копируют ферганских узбеков. Вот почему я направился в Таласский район — один из самых бедных, слабо населенный и стоящий в стороне от торговых путей.

О современном социальном строе киргизов этого района существует только несколько отрывочных заметок, разбросанных по сборникам и журналам после-революционной эпохи; из этих заметок можно было сделать вывод, что в этой части Киргизии до сих пор еще имеют громадную силу родовые обычаи, власть стариков, родовые советы и пр. То же рассказывали и те товарищи, с которыми приходилось говорить о Таласском районе и которых все считали знатоками киргизского быта. Неудивительно, что у меня и спутников моих (тов. Б. Салиев и тов. Файзи) создалось впечатление, будто в этом районе Киргизии сохранился чуть ли не целиком *родовой строй*, во всей его чистоте.

Когда мы ознакомились на месте (в Таласском и Су-самырском районах) с действительными социальными отношениями, то пришли к выводу, что *родового строя в этих, наиболее отсталых районах Киргизии больше не существует*. Правда, родовые обычаи оказались еще сильны, сохранились довольно крепкие родовые отношения, но нет самой основы родового строя — родовых советов, власти стариков, „примитивной демократии“. Все это заменилось другим социальным строем — тоже древним, — основную черту которого составляет *манапство*. Впоследствии наши наблюдения подтвердились теми материалами, которые удалось достать в центральных партийных организациях (информационные отчеты Киргизского Обкома), а также материалами, доставленными студентом Госуд. Института Журналистики тов. Джансугуловым и студентами Ком. Университета имени Я. М. Сверд-

лова — тт. Ипатовым и Кирилловым. Между прочим, их наблюдения по отношению к Нарынскому району вполне сошлись с той картиной, которую пришлось найти в Таласском и Сусамырском районах: таким образом, наши выводы о социальном строе можно отнести почти ко всей горной части Киргизии. В остальных районах ничего подобного нет, попадаются только какие то отголоски, да отражения — особенно в северной части Киргизской республики, где преобладает земледелие, существуют города и строятся в настоящее время заводы; или в северной Фергане, с ее хлопковой культурой. Горный район — какой то анахронизм в советской Киргизии, но именно он дает наибольшее количество того живого материала, который фигурирует в скандальных уголовных процессах последних нескольких лет (например, дело Худайкулова и др.).

Что же такое *манапство*, существующее в горных районах? Слово это происходит от „манап“ — так называют киргизы своих князьков, владеющих большими территориями летних кочевий; манапы же являются и судьями, и советчиками, и представителями больших или меньших киргизских родовых групп. Они обладают большим общественным влиянием, уважением и признанием со стороны окрестного населения, при чем не отдельные манапы пользуются такими исключительными правами, но все вообще манапы, их потомство и близкие. Таким образом, мы имеем право говорить о манапстве, как широком социальном явлении. Манапство — не родовой строй; это одна из самых ранних фаз феодализма и, в то же время, последняя фаза разложения родовых отношений у киргизов. Это грань, рубеж двух социологических эпох. Выделившиеся из военных групп конца родовой эпохи манапы не успели еще превратиться в настоящих феодалов, но им удалось ликвидировать примитивную демократию во всех ее проявлениях. Дальнейшее развитие феодализма было прекращено русским завоеванием, тем не менее манапство сохранилось и после этого завоевания — сохранилось в силу географической и экономической особенностей горной части Киргизии.

Столкнувшись с манапством, как явлением современным, мы принуждены были искать не только его истори-

ческие корни, но и причину живучести — нельзя было допустить мысли, чтобы манапство сохранялось лишь в силу одних традиций и не имело никаких опорных пунктов в современной киргизской экономике. В поисках этих опорных пунктов пришлось произвести небольшое выборочное обследование для установления типовых бюджетов горных хозяйств, сопоставить с этими бюджетами киргизский быт — и тогда стало ясным влияние на консервацию манапства таких явлений, как ссуды скота бедноте, уртачество (половничество) подкармливание бедняков богачами и натуральный, потребительский по преимуществу, характер хозяйствования киргизов-горцев; записанные же предания о происхождении манапов дополнили картину, придав ей историческую перспективу.

1.

Горная Киргизия имеет необычайно пестрое социальное устройство: на ряду с советским строем у киргизов сохранились и более древние формы общественных отношений, смесь которых с новым укладом и составляет современный социальный быт горной Киргизии.

Прежде всего обращает на себя внимание большая роль, которая выпадает на долю *рода*. У киргизов принадлежность к определенной группе сородичей имеет вполне реальную цену — существуют роды, принадлежность к которым дает возможность пользоваться лучшими пастбищами, избавляет от некоторых налогов, дает почет и уважение; и, наоборот, есть такие роды, которые обрекают всех своих членов на пользование пастбищами с худшей травой, множество неудобств, по сравнению с привилегированными родами. Несмотря на это, каждый киргиз гордится принадлежностью к определенному роду, тщательно запоминает от стариков свою родословную. Не суметь указать три основных колена, от которых произошла его семья, для киргиза считается позором. К лицам безродным, не знающим происхождения и не имеющих родословной, горец относится с пренебрежением.

Происхождение большинства родов очень темно. Предание связывает это происхождение с различными

легендарными лицами, вроде Тагая, от которого будто бы произошли роды сарбагыш, салтö, багыш, джедигер саяк, азык и чöро (по именам его сыновей и джигитов). Но при проверке этих преданий получается много противоречий и анахронизмов. Во всяком случае, киргизы четко помнят названия своего „чонг уру“ — старшего рода (племени?), названия колен („уру“), названия происшедших от них родов (тоже „уру“) и младших родов („ата“), а от этих младших родов ведут начало семьи. Так например, в роде саяк было 5 колен — тöнгатар, курбанкужа, куржагач, урат и чоро. От этих колен произошли роды (например, от тонгатар произошли „уру“: арсымат, асан, кокумбай и джорохте; от чöро: тунтай, ахтере, бостере, ават, дулат) и т. д. Киргизы считают своего мифического родоначальника своим кровным предком, поэтому сородичи являются как бы лицами одной крови. В действительности, это далеко не так. Даже в предании о происхождении родов саяк, азык и чöро отмечена возможность образования новых „кровно-связанных“ родов путем простого зачисления посторонних роду лиц (чорораб) в „кровные“ родственники. Так оно и было — прием в род мог происходить и со стороны, а не только путем кровной связи. Поэтому на роды киргизов приходится смотреть как на историческую форму об'единения скотоводов, связанных общими интересами. Если отбросить вопрос о кровной связи, как основной причине образования родов, то можно гипотетически определить эту причину в необходимости совместной охраны стад и границ кочевий от поползновений других групп и отдельных лиц. Выпас же больших масс скота, как это наблюдается у народов, не дошедших еще до молочного хозяйства (например, чукчи), возможен только при об'единении людей в довольно многочисленные группы. Доказательством такого толкования (правда, косвенным) может служить то, что каждый род всеми силами охраняет от других родов территорию джейлау¹⁾, допуская членов других родов лишь по уплате особого налога за временное пользование джейлау. Такой сбор носит название „отмай“ (травяной корм, жир) или „чокмай“.

¹⁾ Летнее кочевье.

Первоначальные роды захватили, конечно, самые лучшие джейлау. Они же провели и основную оросительную сеть, считающуюся принадлежностью определенных колен и потом перешедшую в распоряжение отдельных семей. Однако, право на пользование оросительной сетью принадлежит исключительно потомкам рода-строителя. В местности Каргиш оросительную сеть проводили предки колена *тонгатар*. Хотя это колено имеет общего (легендарного) родоначальника с коленом *чоро*, потомки тонгатар не дают воды не только для пашен потомков колена *чоро* (тунтей), но даже и для скота... Еще сильнее охраняется право на исключительное пользование джейлау. Род *саяк* владеет джейлау *Сусамыр*. Более молодой род *кошчи*, живущий к северу от *Сусамыра*, лишен хороших джейлау, и так как сами саяки не в состоянии использовать кормов своего кочевья, они разрешают *кошчи* пользоваться определенными участками джейлау за „отмай“. Еще более молодой род *колпош*, кочующий на реке *Колба-су*, не получил даже и такого права аренды — старшие роды не пускают его дальше перевала *Колбы*, да и то лишь после того, как сами стравят всю траву своими стадами. От недостатка пастбищ скот у *колпош* хиреет, размножается медленно. Род *колпош* обеднел и быстро начинает разлагаться.

В древнее времена роды держались вместе, стараясь сохранить территориальную связь. В целях скорейшего разложения родовых связей царское правительство разделило территорию по волостям, при чем накроило волости так, чтобы они совершенно не совпадали с территорией родов. В результате такого деления родовая связь немного ослабела, но внутри волостей за то началась ожесточенная борьба родов за распределение волостной территории, за размеры налогового обложения отдельных родов и за власть. По существу, волостное деление сохранилось до настоящего времени в том же виде, как его создало царское правительство — роды разбиты по территориям нескольких волостей, в каждой волости живут куски нескольких, не менее двух, родов и между ними ведется ожесточенная борьба.

Родового строя, собственно, больше не существует в горной Киргизии. О тех формах родового устройства,

которые еще можно наблюдать у киргизов-казаков („маслагат“, сход всех мужчин рода, совещания стариков, маслагаты нескольких родов или родовых представителей), у горных киргизов сохранились лишь предания. Ни старейшин родовых, ни маслагатов, у киргизов больше нет.

Правда, множество родовых обычаев еще сохранились, но утеряли прежнее значение. К таким сохранившимся родовым обычаям нужно отнести, например, обычай *выкупа за кровь* — „кун“ (или „хун“). Насколько живуч этот пережиток кровной мести, показывает случай, происшедший в начале 1925 г. Народный судья Кетмень-Тюбинского района, Уезбай Чапрашиев позавидовал красивым седлам, которые он видал в одном из казакских аулов. Не долго думая, он снаряжает „экспедицию“ из двух своих джигитов для кражи седел... Один из джигитов отказался ехать, другой же поехал и бесследно пропал. У Чапрашиева сложилось подозрение, что джигит был убит казаками. Так как джигит был дальним родственником Чапрашиева, тот предъявил к казакам *на основе обычного права иск в уплате кун* за пропавшего джигита. Дело кончилось бы, вероятно, выплатой такого кун, если бы не вмешался один из местных коммунистов. Чапрашиев — не рядовой киргиз, но выгодные ему родовые обычаи он все же соблюдает; неудивительно, что у горцев эти обычаи еще более живучи.

Когда приходится киргизу участвовать в празднике, выступать против своих врагов, искать защиты от обидчиков, он прежде всего обращается к своему роду. Во время „кокбара“ (борьба из-за козла) партии противников создаются по родовому признаку; призы, полученные на праздниках, делятся между сородичами, а не идут в пользу победителя; за обиду сородича вступается весь род, при чем он готов и на материальные жертвы, если кто либо из сородичей будет в чем либо обвинен, даже совершенно справедливо — род весь, в полном составе, выступает защитником и свидетелем, хотя бы такое свидетельство было заведомой неправдой. Интересы рода — в первую голову, а истина — во вторую. С этим явлением все время приходится считаться в киргизском быту, потому что в интересах рода допускаются всяческие отступления от обычного понятия честности и правдивости.

Тем не менее, старого родового устройства у киргизов больше нет, оно заменилось другой социальной формой, не менее древней, но имеющей несколько иные корни. Эта форма—*манапство*. Прошлое киргизов дает возможность установить корни манапства, а два записанных предания довольно ярко рисуют его происхождение.

2.

Немногочисленные исторические сведения о киргизах собраны почти полностью в следующих русских изданиях: Григорьев — Восточный Туркестан“ „Зайлийский Край“ (изд. Генерального Штаба), Нарышкин — „История Кокандского ханства“ и Бартольд — „Очерки Семиречья“. На основании этих сведений история киргизского народа представляется нам в следующем виде:

В китайских летописях упоминается еще до VIII века нашей эры киргизский народ, живший на берегах реки Енисея, в его верховьях, и к северу от Восточного Туркестана. Однако, название „ки-ли-кизцы“ могло одинаково относиться и к киргизам-казакам и кара-киргизам. Только в VIII веке попадают первые сведения о киргизах, как особом от казаков народе, при чем указывается, что этот народ перекочевал от верховьев Енисея к югу, ближе к уйгурам, жившим в Восточном Туркестане.

В древнейшие времена через Восточный Туркестан шли две караванные дороги, связывавшие Западную Азию (и Европу) с Китаем. Одна дорога (северная) шла через Кашгар-Уйгур, вторая (южная)—через Яркенд-Хотан. Обе дороги имели громадное значение не только для китайцев, но и для уйгуров. Судя по тем же китайским летописям и другим источникам, уйгуры вели оживленные торговые сношения через свои центры—Учтурфан и Гаучан с Китаем и с Западом, главным образом, Византией. Множество товаров провозилось в обе стороны, привлекая внимание соседних кочевников. Центральное положение на караванных путях давало уйгурам возможность использовать все выгоды транзитных операций: их города богатели, одинаково наживаясь и на китайских и на европейско-малоазиатских товарах.

Кочевники-скотоводы, среди которых находились и киргизы, постоянно нападали на караваны и грабили их

Иногда эти грабежи организовывались военными группами, составлявшимися приватным образом, иногда в налетах участвовали целые племена. После долгих лет непрерывной борьбы с грабителями—кочевниками, владельцы караванов нашли для себя гораздо более выгодным откупиться от нападений путем периодических подарков, которые давались наиболее воинственным племенам.

Вероятно, на почве этих грабежей у киргизов и сложились военные группы, хотя до XIII века военные группы и не обособлялись внутри родов.

После того как вся восточная торговля Европы перешла в руки арабских купцов, арабам удалось установить непосредственные торговые сношения с Китаем, минуя уйгуров. Киргизы выступают в это время в роли своеобразных „покровителей“ арабской торговли—они охотно нанимаются в проводники, охраняют (конечно, за подарки) караваны от нападений уйгуров, не желавших помириться с развитием арабской торговли, и от различных кочевников. Сближение с арабами заносит к киргизам некоторые зачатки меновых отношений и магометанство, однако все эти новшества прививаются слабо, сталкиваясь с натуральным хозяйством, крепким родовым бытом, властью обычая и верою в духов.

Арабы терпели „покровительство“ киргизов только до той поры, пока сами не ознакомились хорошо с караванной дорогой; как хорошие коммерсанты они постарались избежать совершенно излишних накладных расходов, вызываемых киргизским „покровительством“. А так как в избавлении караванных путей от угрозы грабежей были одинаково заинтересованы и китайцы, и арабы, и уйгуры, то киргизам пришлось встретиться с таким сильным нажимом купцов и натравленных против них других кочевников (в частности, монголов), что спасаясь от разгрома они принуждены были перекечевать еще южнее—в район Семиречья и Тянь-Шаня—местности их теперешнего поселения.

Новая, занятая киргизами область, была богата естественными пастбищами, в том числе чудными горными лугами, дающими сочный и обильный корм для скота. Местные кочевники, жившие небольшими разрозненными

родами, были вытеснены киргизами, так как длительная практика грабежа на больших караванных путях окончательно оформила среди киргизских родов военные группы, получившие боевую закалку.

В начале XIII века монголы, во главе с Чингиз-ханом, заняли Среднюю Азию. Киргизы были покорены наряду с другими кочевыми племенами. Монгольское завоевание, по существу, ничего не изменило в жизни киргизов, за исключением того, что киргизы принуждены были платить дань монголам и содержать монгольских наместников. После ухода монголов киргизы не стали самостоятельными: родовые группы киргизов не в состоянии были сопротивляться централизованным организациям народов-соседей, и средне-азиатские ханы без особого труда подчинили себе киргизов. Однако, военные группы внутри киргизских родов, опиравшиеся на своих сородичей, причиняли достаточно хлопот покорителям. В особенности обострились выступления киргизских военных групп, когда джагатайские ханы стали захватывать у киргизов пастбища. Закончилась борьба полным подчинением киргизов.

С половины XVI столетия в Семиречье проникли калмыки. Вытеснив джагатайцев, калмыки заняли их место. Калмыцкое владычество продолжалось до половины XVIII столетия. Два столетия калмыцкого ига хорошо сохранились в народной памяти.

Калмыцкие ханы сильно угнетали киргизский народ. К этому времени социальная дифференциация внутри киргизских родов достигла уже значительных размеров: появилась беднота, не имевшая скота и постепенно переходившая к земледелию, появились и богачи-рабовладельцы и, вместе с тем, скотоводы. Вероятно, калмыки мало считались со знатностью тех киргизов, которых они облагали данью; возможно, что они даже увеличивали обложение по отношению к киргизской знати, так как с тех можно было больше получить. Во всяком случае, калмыцкие поборы вызвали активные протесты киргизских именитых людей. Среди киргизов стали вспыхивать восстания и формироваться партизанские отряды. Предания, превратившие главарей восстаний в презиравших смерть героев, согласно говорят о них, как о богатых, „лучших людях“, имевших и джигитов, и рабов. До наших дней

сохранились сказания о Манасе, Курбан-беке и других народных героях этой эпохи.

Калмыков сменили кокандские ханы. В отличие от управления монголов и калмыков, превращавших киргизов в совершенно бесправную народность, независимо от социального положения отдельных ее представителей, кокандцы привлекли к власти наиболее богатых киргизов, из среды которых выделился Мусулман-кул-чулак, бывший одно время главным „министром“ и регентом последнего малолетнего кокандского хана - Худаир-хана. Известен также в эту эпоху и другой богач-киргиз—Алим-кул, главнокомандующий и военный „министр“ кокандского хана.

Кокандское влияние на социальный быт киргизов сказалось гораздо сильнее, чем всех предыдущих покорителей. В киргизской области стал развиваться торговый обмен—регулярные торговые сношения завязались между наиболее богатыми скотоводами-киргизами и Кокандом, а также с Восточной Бухарой. Значение возникшего обмена было далеко не одинаково для различных социальных слоев киргизского народа: у богачей развивались новые потребности, что же касается бедноты, то она чувствовала лишь отрицательную сторону этого явления, так как появились кабальные отношения и собственность на землю. Родовой строй начал разлагаться.

Именно в это время и образовались манапы. Никаких сведений о сущности манапства, однако, указанные источники не дают. Неполнота исторических сведений о манапах была бы непреодолимым препятствием для исследования корней манапства, если бы манапство целиком ушло в историю. Но манапство еще существует, и это дает возможность гораздо полнее выяснить социальную природу этого явления.

3.

К тому времени, когда появились первые манапы, киргизы были не только скотоводами, но и земледельцами. Таким образом, манапство нельзя относить к таким социальным институтам, которые свойственны только скотоводам. В „Манасе“ (киргизской поэме) можно найти

множество указаний на занятие киргизов земледелием. Принимая эти указания к сведению, я не могу все-таки взять „Манас“ в качестве основного источника сведений о манапах. „Манас“ не обычное предание, которое переходит от старика к старику, а поэма, известная лишь профессиональным певцам. Не всякий „рче“¹⁾ знает „Манас“—вернее редкий „рче“ знает несколько строф из этой поэмы. Профессионалы-певцы, бывшие естественными идеологами прежних эпох, легко подвергались внешним влияниям—калмыцким, кокандским, и пр. и, в особенности, арабским. Ислам повлиял на содержание „Манаса“ самым убийственным образом: из поэмы выпали древние сказания, которые не сходились с привычными мусульманскими преданиями, и были заменены официальными исламистскими рассказами. Так, например, в „Манасе“ оказалось магометанское предание о происхождении людей, земледелия, скотоводства, между тем как среди стариков—киргизов сохранились еще древние киргизские предания о тех же предметах и явлениях, резко отличающиеся от мусульманских версий. Таким образом, уже это одно обстоятельство заставило бы пользоваться „Манасом“ в качестве сборника киргизских преданий с большой осторожностью. Во-вторых, „Манас“ переполнен описаниями природы, местностей (все это по отношению к различным местностям сделано в одних и тех же выражениях); что же касается социальной жизни киргизов, то она отразилась в „Манасе“ почти исключительно в виде битв и побоищ. Выбрать из всей массы поэтических отрывков „Манаса“ (при устной передаче) именно тот, который мог бы объяснить социальную природу манапства, было очень трудно. Достаточно указать, что сказание „Манаса“ (полностью) продолжается целую неделю—с утра до вечера с небольшими перерывами для принятия певцом пищи и для отдыха. Вот почему я принужден был прибегнуть к другому источнику—устным преданиям стариков, не профессионалов-певцов, а просто старожил, слышавших эти предания от своих отцов и дедов. Таких преданий, несколько отличных в каждом роде, имеется много, и собрать их не представило большого труда.

¹⁾ Певец.

Когда „Манас“ будет записан и опубликован (работа эта в настоящее время уже производится—она составит около 50 печатных листов), будет легко сверить помещенные в „Манасе“ предания с собранным мною материалом и сделать поправки в моих выводах. До той же поры, пока „Манас“ не записан и не очищен от исламистских рассказов, выбранный мною путь может считаться единственным.

Преданий о происхождении манапов было записано в разных местах мною несколько. Все они похожи друг на друга, варьируясь лишь в деталях. При поездке т. т. Ипатов и Кириллова, они слышали также несколько преданий, но, к сожалению, не записали их, лишь кратко изложили: в изложении они не дают ничего нового по сравнению с уже записанными мною преданиями. Наконец, мне удалось получить еще один список предания о манапах, записанный Джапар-муллой. В *приложении* я даю два предания полностью и одно предание о происхождении рода саяков, имеющее отношение к той же теме.

Что же говорят предания о происхождении манапов?

По одному из преданий (предание рода сарбагыш) манапы были „батырями“—известными вождями, имевшими вокруг себя группу воинов-дружинников—„джигитов“. Они занимались грабежом в окрестностях рек Чу, Ила, озера Иссык-куля, рр. Турфана, Нарына и Таласа. Весь горный район Ала-тау был в той или иной мере подчинен этим „батырям“. В другом предании (рода саяк) отмечается, что „батыри“ были богачами и сами вышли из среды богачей (см. „у одного богатого киргиза было три сына...“), имели рабов (см. предание о происхождении рода саяк). Аулы чужих родов подвергались грабежу, жители этих аулов превращались в данников („проживающих от начала гор Ала-тау до конца манап подчинял себе“), с богачами же из своего рода манапы старались ладить. Во втором предании (рода саяк) рассказывается о том, как путем подкупа „благородных“ сородичей манап захватывает себе судебную власть („все споры разрешает... за свой суд получает подарок, бийлык, соответственно делу...“), используя ее для дальнейшего обогащения и для усиления своей власти. В целях поддержки со стороны остальных сородичей, главным образом, богатых

(все подарки манап раздает сообразно „достоинству“, т.е. богатым и подарки побогаче, бедным—поменьше), манап раздает им часть получаемых „подарков“ (дань?) и тем создает себе популярность. При известной предприимчивости, „каждый богатый человек мог сделаться манапом“. В предании рода сарбагыш говорится об этом еще тверже: „если кто-нибудь из другого рода брал образец с поступков его, то тоже имел право называться манапом“. Сначала манапами называли лишь фактических повелителей; потомство манапа, не обладавшее почему-либо властью (утерявшее ее), носило название „неполных манапов“ и через 3—4 поколения превращалось в простых подданных. Позже, когда манапство укрепились, оно превратилось в сословие; звание, а также власть манапов стали передаваться по наследству. „Назвался манапом,—говорится в предании рода саяков,—весь род его дальше манапом будет—хороший человек, умный, глупый, сумасшедший—все равно манап, если происходит от манапа“.

Манапы уничтожают родовой строй: они отменяют родовые советы („маслагат не собирает, совсем не признает“), все решают сами, единолично.

В каждом роду, одновременно, выделялось по несколько манапов, которые подчиняли себе определенную территорию, вместе с живущими в пределах ее людьми. Эти люди назывались „фукара“ (слово арабское)—подданные. Вся земля становилась собственностью манапа; фукара, принадлежащие к роду самого манапа, могли в пределах этой территории кочевать, не платя ничего манапу („своим фукара землю так давал“), но с других киргизов манап брал „отмай“ и „чокмай“, если хотели на его земле скот пасти. Часть этих сборов оставалась у манапа, а остальное он раздавал своим фукара.

У каждого манапа была дружина из 15—20 джигитов, они ходили вместе с манапом на войну и выполняли при нем полицейские функции („манап посылал их по делу“). Воевали манапы друг с другом часто („не согласились манапы—война“), в таких случаях все фукара должны были приходить на помощь манапу. Вооружение делали сами. Дружинники-джигиты богатели, делались богачами, именитыми людьми („джигиты у манапов богатели, становились большими людьми, от которых пошли новые

роды“). В случае победы, манап уступал им часть добычи („улджа не вся ему идет: большую часть он получает, потом его джигиты“), а также давалось кое-что и фукара. Переворот не везде проходил без противодействия со стороны сородичей. Приходилось бороться за власть, но зато в случае победы манап жестоко расправлялся с теми, кто его не хотел признавать, („Внутри рода не все признавали сразу манапа: были друзья, были враги. Не хотели враги ему служить, силой подчинял их себе манап. Много богатых людей разорял, юрты, скот отбирал, если не хотели его признавать“).

Манап был независим, даже в эпоху кокандских ханов многие манапы сохранили свою полную независимость, а другие ограничивали свое „подчинение“ хану лишь посылкой подарков. *Словом, в лице манапов создавались феодалы*, владевшие землею, творившие суд и расправу. Предания согласно говорят об этом: в предании рода сарбагыш—„если рассердится на кого, обязательно его убьет... Вообще, подходить к нему было опасно. Своим родственникам дарил людей из своих фукара и говорил им: вот вам народ, делайте, что хотите“. В предании рода саяков—„как хотел, так наказывал виновных мог и убить, ни перед кем не отвечал“. Манапы собирали с подданных дань („отмай“ и „подарки“) и интересовывали своих сородичей в постоянном грабеже членов других родов и подданных других манапов.

Манапы и даже манапство, как социальное явление, не исчезли до сих пор. У большинства родов правой ветви манапство имеет необычайную для настоящего времени силу. *Вся земля, на которой кочуют роды, поделена между манапами.* Члены той группы, которая исторически связана с манапом, т.е. та часть рода, которая подчинена определенному манапу, не платят ему никаких налогов и сборов, но сами участвуют в дележке „подарков“. Правда, манап умеет и из своих „подданных“ выуживать себе подарки, но об этом дальше.

Каждый, не принадлежащий к группе подданных манапа, желающий кочевать на „манапской“ территории, платит ему „отмай“ или „чокмай“. (Разницы между этими сборами установить не удалось). Сборы определяются в зависимости от количества выпасаемого скота и пла-

тятся баранами. Часть баранов манап присоединяет своему стаду, а остальных режет, приглашая на пир сородичей. Получив в уплату „отмай“, манап не только не должен препятствовать выпасу скота плательщика, но обязан всячески защищать его от покушений со стороны третьих лиц.

Как и 100—200 лет тому назад, манап отправляет правосудие: он не только выступает в качестве третьей-стороны судьи при обращении к нему обеих заинтересованных сторон, он вызывает нарушителей обычаев, снимает с них допрос и тут же, присутствии потерпевшей стороны, назначает наказание. От манапского суда уклониться нельзя—общественное мнение подвергнет такого человека остракизму, а манап будет всячески притеснять при отводе пастбища на территории кочевья. За свой суд манап получает бийлык, часть которого также идет на угощение сородичей или подарки им. Подарки эти, в конце концов, не так уже обременительны, потому что у манапа всегда что то остается—не все он раздает... Летом 1925 года, Керим-бай, манап части рода саяков, получил подарков свыше 500 предметов, множество из них он раздарил в качестве призов при народных состязаниях, не меньше зарезал скота для угощения гостей, но в результате, все таки, стадо баранов у него возросло на 100 голов, а табуны лошадей—на 50. Сородичи, конечно, не замечают манапского вымогательства, они убеждены, что манап им только дает, „дарит“, но с них ничего не берет,—в действительности дело обстоит иначе. Наибольший доход дает манапу суд—от него то он и богатеет.

К манапу обращаются как к советчику, к нему идут, как к заступнику, к защитнику—все согласен делать манап. Неудивительно, что по воззрению горцев-киргизов „без манапа народ не может жить—он как койчи при стаде“...

Есть еще одна функция манапа, как и всякого богатого киргиза—ссуды бедноте скота. Надо сказать при этом, что манапы дают ссуды на наиболее льготных условиях, часто скидывают некоторую часть урожая при уплате и, вообще, не слишком прижимают бедноту. Как люди, имеющие и без того достаточные и постоянные

доходы, манапы склонны иногда выступать по отношению к бедноте прямыми благодетелями, что только усиливает их значение и авторитет. В настоящее время этот авторитет очень силен.

По отношению к советской власти манапы держатся, за небольшим исключением, вполне „лояльно“. Один из них, Керим-бай организовал в свое время киргизские отряды против басмачества (потому что басмачи грабили скот его сородичей) и ныне, во время праздника „той“, сажая малолетнего сына на лошадь, завещал ему: быть коммунистом и, подобно отцу, бороться за советскую власть“...

Существование манапства поддерживает множество таких родовых обычаев, которые без того совершенно вымерли бы, делает возможным особый вид эксплуатации—родовую эксплуатацию и, наконец, обостряет борьбу между родами. Во главе враждующих „партий“ всегда стоят или сами манапы, или их ставленники, стремящиеся проникнуть в волостные учреждения, союзы и в коммунистическую партию.

В настоящее время, когда в горную Киргизию проникли слухи о предстоящем пересмотре кочевых территорий и разделе по новому между родами джейлау, борьба манапов достигла особой остроты. Мобилизуются все силы, оказывается всяческое давление не только на волостные органы, но и на областные. Интересы рода и манапов, последней опоры старого быта, слиты. Манапы чувствуют, что в родовой обособленности киргизов их последнее прибежище—вот почему они так энергично поддерживают родовую борьбу.

У некоторых родов манапов нет; в Таласском районе, например, не существует манапов у рода колпош. Отсутствие манапов, по всей вероятности, объясняется более поздним происхождением этих родов, когда манапство уже не могло сформировываться наново. Эти роды всегда, в массе, более бедны скотом, у них худшие зимовки и еще более плохие джейлау. У этих бедных родов также существуют свои богачи, но эти богачи не имеют поддержки в родовом обычае, поэтому социальное расслоение идет в роде колпош гораздо скорее, чем у саяков (имеющих манапов) и внутри рода явственно об-

разуются две группы — богачей и бедняков, борющихся за власть в пределах волости. Однако, и здесь еще родовые традиции не изжиты — при столкновении с другим родом колпоши выступают единым фронтом, хотя бы это приходилось делать и в защиту своих же богачей...

Существующее распределение джейлау, при котором старшие роды владеют лучшими джейлау, а младшие — худшими, только поддерживает родовую борьбу и мешает внутренней дифференциации родов.

Старые родовые традиции необычайно живучи, потому что жив еще тот натурально-хозяйственный строй, при котором они создавались. Живучесть этих традиций вредна только бедноте, чего она пока еще не понимает. Вот примеры: у киргизов существует несколько видов наемного труда: домашняя прислуга („джалче“), пастухи (коровий — „малчэ“, мелкого рогатого скота — „койчэ“, и лошадиный — „джилкачэ“), батраки („малаи“) косари и джигиты; все эти категории наемного труда разно оплачиваются, а некоторые из них и вовсе не оплачиваются. Джалче работают за баранов (3—4 барана в год) и стол, койче малче и джилкоче — за баранов (8—10 баранов в год) и стол, джигиты — только за стол и подарки, малаи — за баранов или плату деньгами. Больше всего удивляет положение джигитов. На вопрос, заданный одному джигиту, почему он не получает платы за свою работу, тот ответил: „я не наемный рабочий, а его младший родственник“ (сказано было даже сильнее — „младший брат“). Ответ был гордый, хотя джигит был оборван. Другой джигит ответил более дипломатично: „я не слуга, а все равно что брат — что хочу, беру“.

В действительности, между хозяевами и их джигитами общего только то, что они принадлежат к одному роду. Обращение с прислугой и рабочими не совсем родственное, потому что их обделяют в пище (кумыс, например, прислуга получает очень редко); но идут в услужение такие бедняки, которым, просто, некуда голову приклонить. В джигиты поступают лишь бесхозяйственные люди, не имеющие ни скота, ни юрты. Этим положением и пользуются „старшие родственники“. Нередко джигит женат — в таком случае его жена выполняет обязанности джалче, но ею не считаются, т.е. за свою работу так же,

как и муж, ничего не получает. Ее „кормят“, но за эту кормежку эксплуатируют безгранично. Так как ни джигиту, ни его жене все равно идти некуда, то они мирятся с этим положением, а услужливый обычай подсказывает им формулу — „младшие родственники“.

Такой вид эксплуатации облегчается родовыми отношениями — его бы можно было назвать „родственной эксплуатацией“.

4.

Если свести воедино все упомянутые выше сведения о манапах и зависящих от них киргизах, то получится, примерно, такая картина.

Манап — не просто богач, а человек, имеющий власть над другими людьми. Власть эта переходит от манапа — отца к манапу сыну, передается потомству, не может отчуждаться или дариться. Сделаться в настоящее время манапом очень трудно — для этого недостаточно задобрить окружающих богачей подарками, но необходимо и добиться признания со стороны других манапов. Таким образом, манапы являются особым сословием, обладающим определенными привилегиями, и всячески охраняют свой манапский круг от вхождения посторонних, хотя бы и богатых людей. Среди киргизов есть люди богаче многих манапов, но ни один из этих богачей не имеет десятой доли манапской власти, и, наоборот, — некоторые обедневшие манапы, несмотря на свою бедность, держат в подчинении многих богачей. Такое положение объясняется громадным значением традиций в киргизском быту — подчинение же манапам в течение нескольких сот лет их существования успело превратиться в традицию.

Летние кочевья киргизов поделены между манапами, а не между аулами, в то время как зимовки принадлежат аулам. Над распределением пахотной земли манапы не имеют власти — земля делится „аксакалами“ старшинами, представителями мелких родовых групп, не ведают манапы и распределением воды — для этого существуют выборные старшины, носящие арабское название „мир-абов“. Конечно, богатые семьи имеют много льгот и при распределении земли, и при пользовании поливкой, но это

достигается нелегальными путями, взяткой, личным давлением и пр., но не по обычаю. Я объясняю отсутствие власти манапов над зимовками тем, что манапы, как люди, богатые скотом, не были заинтересованы непосредственно в обработке земли — при помощи уртачества они могли получать необходимый для себя хлеб в достаточном количестве, да и меновые сношения с Ферганой, в которых манапы выступали, по всей вероятности, наиболее активно давали им возможность иметь зерно и муку в потребном количестве. Совсем иначе должны были манапы относиться к летним пастбищам. Для манапских стад требовались большие “джейлау”, которые находились далеко от зимовок — это были горные пастбища, сохранявшие сочную траву в течение всего лета. Захватив джейлау по праву силы, т.е. просто оккупировав их, манапы принуждены были однако допустить на эти пастбища наиболее богатых сородичей, с которыми ссориться было невыгодно. Что же касается бедноты, то она и не претендовала на отдаленные джейлау, так как не имела потребного скота и не могла удаляться на долгое время от своих пашен. В распоряжение киргизов, имевших малое количество скота, были предоставлены ближайшие к зимовкам пастбища и право кочевать вслед за богачами по вытравленным пастбищам. Дележка пастбищ с богачами привела к тому, что манапы не могли взимать с них никаких сборов за пользование джейлау; более того — даже те поборы, которые манап брал с членов других родов, допущенных на манапское джейлау, стали распределяться между всеми именитыми киргизами. Вылилось это в угощение, делаемое манапом — соиш, т.е. резание баранов и других животных для гостей, небольшие подарки тем лицам, которые чувствовали себя чем-либо обиженными, и пр. Тем не менее манапы не оставались в накладе, так как оставляли себе от поборов львиную часть, да и одаренные ими богачи, чтобы не ударить лицом в грязь, отдаривали манапов довольно щедро.

Захватив джейлау, манапы взяли на себя охрану границ летних кочевий от вторжения посторонних родов и групп. Делали они это в своих собственных интересах: в интересах фиска и охраны своих стад. Но, одновременно, манапы обеспечивали некоторую безопасность и для всех

тех стад, которые находились на их территориях. Отсюда появились новые функции манапов — защита скота тех людей, которые кочевали на джейлау. В древности манапы были людьми воинственными, (предания рисуют их даже разбойниками), в те времена, вероятно, они занимались не только разбоем, но и охраной подчинившихся им родов от других манапов (см. предание рода сарбагыш). В настоящее время разбойничать манапам не нужно — киргизы сжились с ними, подчиняются беспрекословно, охранять же скот от других родов приходится. Манапы выполняют, таким образом в этом отношении социально-полезные функции. Можно сослаться на часто практикующееся ныне приглашение казаками, кочующими в горах, обедневших манапов в свои аулы для охраны людей и скота. Такой манап приезжает с почетом, ему отводят лучшую юрту, дают скот, ежедневно приносят кумыс, всячески дают понять ему, что он дорогой гость. А между тем у манапа, за исключением одного — двух джигитов, нет никакой вооруженной охраны: неужели таких „вооруженных сил“ оказывается достаточным, чтобы испугать воров и грабителей? Опыт показывает, что этого бывает достаточно... Объяснить такое явление можно лишь тем, что родовые традиции у киргизов еще сильны: баранта (грабеж скота) считается не простым воровством, а поводом к родовой распре, оскорблением всему роду. Для воров вовсе не безразлично, будет ли им за баранту мстить обиженный казакский род, или на стороне этого рода окажется и весь род призванного для охраны манапа. Что то в роде круговой поруки связывает в таких случаях манапов, (в этом проявляется сословное чувство); за обиду одному манапу будут мстить не только близкие ему по крови манапы, но даже манапы из чужих родов.

Выше было указано, что манапы всячески поддерживают в своих сородичах убеждение в том, что они одни охраняют чистоту родовых отношений. В случае спора по поводу таких отношений стороны обращаются всегда за советом к манапу. Манап вмешивается и в чисто семейные дела, например, в ссору отца с сыном, брата с братом и т. д. Он всячески старается помирить стороны, иногда для устранения обиды дает обиженному лично от себя какой-либо подарок.

Однако, манап выступает не только третейским судьей — вернее, вовсе не третейским судьей — он обладает некоторой властью, используя для своего влияния толкование обычаев, ссылки на предания и пр. Если обращение к традициям не оказывает влияния на заинтересованную сторону, манап прибегает к угрозам. В прежние время, по преданиям, манапы арестовывали, наказывали, казнили своих подданных. Теперь такой власти у манапов нет и, поэтому, чаще манапы прибегают к другим мерам воздействия — экономическим: отказывают в ссуде, лишают своей поддержки, устраняют от участия в своих угощениях и разделе подарков. Там, где манап силен, он использует против ослушника аппарат советской власти — делает через своих приближенных на ослушника доносы, через председателя волостного комитета увеличивает оценку имущества (для исчисления налогов), делает ослушника объектом взяток и часто доводит до полного разорения.

Суд манапа — самый распространенный и наиболее привычный суд в горной Киргизии. Судебные функции приносят манапам большие доходы. Кроме того большие же доходы дают постоянные подарки, делаемые и подданными (так, „на всякий случай“) и ближайшими соседями. Во время семейных праздников, когда манапы устраивают народные гулянья, подарки свозятся со всех концов Киргизии всеми родами (не состоящими с данным манапом во враждебных отношениях) и даже казаками, которым приходится с манапом сталкиваться. Сотни овец и баранов, десятки коз, десятки коров, волов, лошадей, верблюды, нагруженные кошмами, коврами и мелкими подарками — вот что такое „подарок“ известному манапу. Часть подарков идет на угощение гостей, часть дарится победителям во время состязаний (скачках, кокбар, и пр.), а остальное — больше половины подаренного — идет в личную собственность манапа. В таком широком и обильном дарении нельзя видеть только пережиток родовых отношений — рядовому киргизу никто ничего не дарит, — а скорее всего пережиток (очень живучий) *дани, феодальных разбойничьих поборов*. В преданиях об этом много говорится, и так оно вероятно и было.

Вокруг манапа всегда есть несколько именитых, богатых киргизов. Все они имеют приличную родословную, соответствующее родословной имущество. Прямой зависимости от манапа эти именитые люди не имеют, но так как они кочуют на территории манапа и пользуются его охраной, то все же чувствуют себя связанными с манапом какими то обязательствами. Манап выделяет их из среды остальных киргизов, чаще дает им подарки, чаще приглашает к себе в гости. И они с пустыми руками к манапу не едут. Именитые люди (называют их также „атка-минеры“ — едzące на лошади) по преданиям принадлежали раньше к дружине манапов, а потом выбились в люди. Возможно, что это были первые вассалы манапа, связанные с ним договорными отношениями и союзом. Название „атка-минеры“ заставляет искать аналогий с русскими „лошадниками“, германскими „риттерами“, французскими „шевалье“ — правильна ли эта аналогия, которая сводится все к той же конной феодальной службе вассалов — судить пока трудно. Необходимы дополнительные изыскания и проверка.

У манапа и именитых людей есть одна общая черта, отличающая их от остальных киргизов: все они имеют джигитов и уртаков. Средне зажиточный киргиз джигита имеет редко — у него можно найти малчѐ, джалчѐ, койчѐ, джилкачѐ — но уртаков и джигитов у него, как правило, нет. Он сам или его старшие сыновья ходят за лошадьми. *Джигит* даже в современных условиях, вовсе не простой работник — конюх. Правда, он чистит лошадей, кормит их, седлает, но на пастбище за ними смотрит джилкачѐ. Поручения мелкого характера, поездки вместо хозяина по делам, месть врагу хозяина, барантование — все выполняют джигиты. По преданиям джигиты ходили вместе с хозяевами на войну и участвовали в дележке захваченной добычи. Когда джигит проживет несколько лет у кого либо и тот захочет вознаградить джигита за службу — он дарит джигиту немного скота, юрту, и бывший джигит становится сам „хозяином“. Старых джигитов почти не приходилось встречать: вероятно, существует какой-то установленный обычаем срок, после которого хозяин обязан вознаградить джигита.

Такое положение джигита, выделяющее его из остальной челяди богатого человека, заставляет предположить, что в лице джигитов мы имеем пред собою пережиток младших дружинников прежней эпохи.

„Уртак“ значит, собственно — дольщик, пайщик. Но под этим названием скрывается вовсе не пайщик, а половник, издольщик, т.-е. зависимый земледелец, работающий на условии сдачи кому-то части своего урожая. Размер издольщины различен — от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{2}$ урожая; величина отчисления зависит от величины и ценности тех затрат, которые несет хозяин издольщика. Существует два вида издольщиков. Первый вид — уртаки, работающие на своей земле и отдающие часть урожая с этой земли тем, кто им ссужает на время обработки полей рабочий или молочный скот. Второй вид издольщиков — люди, работающие на чужой земле, прилагающие к земле только свой личный труд (рабочий скот, зерно для посева дает землевладелец), за что получают ту или иную долю урожая. Между этими двумя типами издольщиков находится промежуточный тип, который составляют земледельцы, работающие одновременно и на своем участке земли и на чужой земле, и отчисляющие с обоих участков „хозяину“ собственнику рабочего скота и второго участка земли долю урожая. Хотя все типы издольщины наблюдаются в настоящее время одновременно, но по времени первый тип вероятно исторически предшествовал второму типу. Не говоря уже о том, что издольщина (половничество) наблюдалась во всех земледельческих странах в раннюю фазу феодализма, невольно напрашивается сравнение второго типа издольщиков с теми „рабами“ древних германцев, о которых писал Тацит в „Германии“ (ст. 25) ¹⁾.

Таковыми уртаками (обоих типов) обладают все именные люди у киргизов, в том числе и манапы. Следует оговориться, что некоторые манапы предпочитают не

¹⁾ „Других рабов они не употребляют для служб, правильно распределенных между слугами, на наш манер: всякий сам ведет свое хозяйство, управляет своим домом. Господин налагает на раба, как на арендатора, известную плату хлебом, или скотом, или одеждой, и этим ограничивается повиновение раба; другие домашние обязанности исполняют жена и дети“...

возиться с издольщиной, а непосредственно закупать хлеб на рынке — в прежнее же время и они имели издольщиков-уртаков.

Тому, кто ведет сам земледельческое хозяйство, нет смысла иметь уртаков — скорее всего богатый землевладелец станет пользоваться наемной рабочей силой — *малаями*. Существование же такого архаического способа землепользования, как уртачество, показывает, как мало внимания землевладелец отводит земледелию, как таковому. И в действительности, все киргизы, имеющие уртаков, вовсе не интересуются земледелием, а получают основной и достаточно устойчивый доход от скотоводства. Для них поэтому совершенно безразлично, как обрабатывает уртак землю, удобряет ли он ее, или не удобряет, правильно ли ведет севооборот. Иногда уртак вовсе ничего не может выделить своему „хозяйину“, так как урожай оказывается ничтожным и, вместо отчисления ховяину зерна, уртак принужден сам просить о ссуде. Ссуда дается, а вместе с ней растет и зависимость уртака от заимодавца. Все уртаки держатся с своими „хозяевами“ заискивающе, подобострастно, выполняют безпрекословно (и безвозмездно) различные работы (заготовку сена, сбор дров, укладку вещей и навьючивание их при перекочевках), отбывают за них общественные повинности. *Уртак и бедняк — синонимы. Но уртак одновременно и зависимый человек, полусвободный, несмотря на полные права гражданства в СССР.* Происхождение уртачества уходит в глубь времен; так как земледелие, связанное с поливным орошением, в Киргизии укоренилось лишь в эпоху распространения ислама (по крайней мере водораспределители носят арабское название „мир-абов“), а к этому же времени относится и возникновение манапства, то можно высказать предположение, что уртаки появились вместе с манапством.

В свете этих фактов манапство приобретает иное освещение. Произведенный манапами переворот был облегчен экономическим закабалением основной массы киргизов-земледельцев. Джигиты являлись военной силой, помогавшей утвердить военную диктатуру и уничтожить родовые советы, разслоение же общества и закабаление бедноты придало новой власти известную крепость,

устойчивость. Впоследствии манапы сумели заинтересовать в новом управлении богачей или наделив их подарками, или привлекая в круг своих приближенных — старших дружинников.

Манапы не имеют непосредственной связи друг с другом, никому не подчиняются, однако это явление существовало не всегда и не везде. Кокандские ханы сумели добиться того, что большинство манапов признали себя их вассалами, стали посылать подарки. Когда появились русские, вассалитет естественно отмер (легально), но фактически стремление манапов к объединению создало внутри Российского государства нелегальное „Алайское царство“, просуществовавшее до 1922 года, т.е. и после Октябрьской революции. „Царство“ прекратило свое существование со смертью Алайской „царицы“, которой подчинялось много манапов далеко за пределами Алайской долины, где проживала „царица“. Сведения о социальном строе этого „царства“ весьма смутны, а между тем представляют громадный интерес для науки — следовало бы, пока еще среди населения Алайской долины не стерлась память о порядках Алайского царства, снарядить туда экспедицию и все тщательно записать. В результате этой экспедиции можно было бы окончательно решить вопрос о киргизском феодализме.

В том виде, как это наблюдалось в феодальную эпоху в Западной Европе, крупного землевладения в Киргизии не существовало — не было ничего похожего на помещичье хозяйство. Я думаю, что поливная система орошения, связанная с мелким землевладением, вряд ли способствовала созданию крупных землевладельческих единиц, тем более что земельные участки в горах очень малы и разбросаны. Но вообще-то крупное землевладение существовало — только не на пахотную землю, а на пастбища. Остатком такого владения пастбищами являются современные права манапов на джейлау. Не существовало в Киргизии и оброка в чистом виде, его заменяет дань (подарки) и отчисления уртаков; не было и барщины, но существовали отработки. Так как все эти формы отнятия у земледельцев их прибавочного (и части основного) продукта существовали в Западной Европе в ран-

ную эпоху феодализма, то можно предположить, что манапство есть ничто иное, как недоразвитая, зачаточная форма феодализма у Киргизов, не успевшая развиться вследствие подчинения Киргизии более хозяйственно развитым соседям.

Было бы интересно в таком случае сравнить манапство с ранним феодализмом у тех европейских народов, которые самостоятельно дошли до него в процессе естественного роста, а не путем распада более высоких ступеней хозяйственного развития. Поэтому, избегая сравнений с Меровингской или Каролингской эпохой Западной Европы, уместно было бы провести аналогию с социальным строем древних греков (Гомеровской эпохи), древних германцев I—IV столетий нашей эры, и древних ирландцев. В виду того, что тема эта выходит за пределы моей настоящей работы, я не буду на ней останавливаться, но думаю в специальной статье коснуться еще этого вопроса.

Итак, в горной Киргизии сохранились в достаточно живучем виде старые формы социальной жизни—полуфеодалные, с большим налетом еще более древних, родовых отношений.

П. Кушнер.

Приложение I.

Предание о происхождении манапов.

(Предание рода Сарбагыш).

Манап—название одного человека, он сын Дуласа, отец Дуласа был Килчи, а он сын Тагая.

Киргизы, проживающие в данное время в Пишпекском уезде, Каракульском уезде и в Ферганском — являются потомками выше названного Тагая. Манап в свое время был богатырем. Окружал себя вокруг джигитами. В окрестностях рек Чу, Ила, озера Иссык-Куля, р. р. Турфана, Нарына, Таласа, он занимался грабежом, грабил аулы. Проживающих от начала гор Ала-тау до конца манап

подчинял себе. Народу показал правильный путь. Если песнь певца понравится ему, то он дарил ему девять девушек, если кто-нибудь ему подарит нюхательный табак, сокола, беркута, самострел (саадак), копье, жернов, сало, баранье мясо, то обязательно подарит взамен девять штук скота.

Сам он ничем не занимался, даже седлают лошадь ему джигиты, и готовят пищу ему также подчиненные. Собирал часто народ, пил с ними бузу, а если разсердится на кого, то его обязательно убьет. Если находит нужным у чужого человека взять дочку, то берет и ложится с ней, если выдает свою дочь замуж, то обязательно он дает раба и рабыню. Вообще, подходить к нему было опасно. Своим родственникам дарил людей из своих подчиненных и говорил им: „вот вам народ, делайте, что хотите“.

Деятельность манапа перешла к его потомкам, как наследство. Его деяния распространились среди киргизов, как образец. Все верхи, все главари, богатые атка-минеры назывались манапами. С тех пор потомки манапа владеют над своим родом.

Манап — сын Дуласа из рода сарбагыш. Если ктонибудь из другого рода брал образец с поступков его, то тоже имел право называться манапом. Если потомки Дуласа владеют над народом, то они называются манапами, если не владеют, то называются неполными манапами, через 3—4 потомства они называются уже подданными. Если из другого потомства ктонибудь владеет, подчиняет себе народ, то их тоже называют манапами, если не владеют, то называются подданными.

Манапы до сих пор владеют над своим народом.

Во время калмыков манапы тоже властвовали над своим народом. Главарям калмыков манапы отдавали своих дочерей, а взамен брали калым. Во время Кокандского Ханства манапы были близкими им людьми и отдавали ханам следуемые им подарки. После завоевания русскими манапы стали друзьями губернаторов и уездных судей. Получали от русских награды, как например, медали, были волостными управителями, собирали деньги с наро-

да для своих карманов. Сыновья их учились, были переводчиками.

(Сообщил Джап-мула из Пишпека, записал студент ГИЖ'а Джансугуров, перевел Б. Салиев).

Приложение II.

Второе предание. «О происхождении манапов».

(Записано в ауле № 3 Арымской волости, Джелалабадского округа на кочевье Сусамыр, 21/VII—1925 г., Сообщил Игамбарде; 73 лет, из рода Мачак).

„У одного богатого киргизз было три сына. Один из них, самый лучший, умный сын зарежет верблюда, быка, кобылу, баранов, приглашает со стороны народ. Из собравшихся гостей он выбирает самых благородных, выдающих, им раздает подарки: может лошадь подарить, может подарить халат, может подарить барана. После угощения имя его будет похвально везде, его будут называть хорошим человеком. Мелкий скандал случится, развод, калым платить кто не хочет, воровство случится — к нему идут. Все ссоры разрешает, и все соглашаются с ним, потому что он хороший человек. За суд свой получает подарок, бийлык, сообразно делу: за большое дело — бийлык большой, лошадь; за меньшее — барана. Часть бийлыка себе берет, остальное делит с окружающими. Тогда дают ему имя „манап“. Каждый богатый человек мог сделаться манапом. Ни кость у него не манапа, ни волосы, ни мясо — все обыкновенное. Назвался манапом, весь род его дальше манапом будет — хороший человек, умный, глупый, сумасшедший — все равно манап, если происходит от манапа“.

Вопрос: „Были ли, кроме манапа, какие либо родовые старейшины“?

— Манап — старший в роде, кроме него никаких родовых старейшин больше не бывает.

Вопрос: „А маслагат (родовой совет) разве не существовал“?

— Маслагат не собирает совсем и не признает. Все сам решает.

При больших ссорах манап назначает трех стариков и предлагает им разрешить. Потом сам выслушивает стариков и решает.

Вопрос: „Манап был один на весь род“?

— В каждом роду есть свои манапы, по два, по три и больше в роде.

Вопрос: „Манап всегда был богачом“?

— Манап сам не работает, имеет свое хозяйство, богат, но есть и бедные манапы: Зюльпухар-Хаджи-Ахметов из рода саяков сам ничего не имеет; а другой манап из этого рода — Керим-бай — крупный богач.

Вопрос: „А как же было в тех случаях, когда ссорились киргизы из разных родов—какой манап их судил“?

— Если поссорятся киргизы разных родов или сторонники разных манапов, каждый род или „фукара“ (поданные) каждого манапа выбирают своих стариков, манапы их утверждают. Потом эти старики разбирают спор, а манапы соглашаются. Не согласились манапы — война.

Вопрос: „Часто воевали манапы“?

— Все предки теперешних манапов были „батырями“ (героями). Они часто воевали друг с другом, собирали народ и нападали.

Вопрос: „Было у них постоянное войско“?

— У каждого манапа была дружина — 15—20 джигитов. Манап посылал их по делу, они на войну вместе с ним ходили. Другое постоянного войска у манапов не было, все фукара приходили на помощь вооруженные, так и воевали.

Вопрос: „Джигитам манап платил какнибудь“?

— Когда манап победит, улджа (добыча) не вся ему идет: большую часть он получает, потом его джигиты, а уж потом — фукара. Джигиты у манапов богатели, многие большими людьми стали, от них новые роды пошли.

Вопрос: „Все ли в роду признавали власть манапа“?

— Внутри рода не все признавали сразу манапа. Были друзья, были и враги. Не хотели ему служить, силой их подчинял. Много богатых людей разорял, скот, юрты отбирал, если не хотели его признавать.

Вопрос: „Кому принадлежала земля? Имели ли землю фукара“?

— Вся земля была манапа. Своим фукара землю так давал, а с чужих брал отмай и чокмай, если хотели на его земле скот пасти.

Вопрос: „А теперь манапы берут отмай или чокмай“?

— Когда другой народ приходит на джейлау, то с него манап берет баранов.

Вопрос: „Кто судил киргизов при манапах — манап или старики“?

— Манап сам судил. подарки брал. Что получает — часть себе берет, остальное отдает фукара. Хорошо было жить при мудром манапе. Как хотел, так наказывал виновных — мог и убить, ни перед кем не отвечал.

Вопрос: „А когда в Коканде у власти стали ханы, им подчинялись манапы“?

— Некоторые манапы подчинились, посылали подарки, но и сами получали. Другие не хотели знать кокандцев, подарков не посылали, воевали.

Так и остались. Потом русские пришли. Все споры решает манап, где летовать, где зимовать, как поступить. Без манапа народ жить не может — он как койчи при стаде.

(Перевел студент Коммун. Университета имени Свердлова — т. Файзи).

Приложение III.

Предание. „О происхождении родов саяк и чёро“. *)

В стороне от Пишпека жил манап Тагай. От Тагая произошли роды по его сыновьям: Салта, Сарбагыш, Багыш, Джедигер.

Тагай был богатым манапом. Вызывает его к себе кокандский хан — „что за манап здесь существует?“ Он поехал туда, в Коканд, и в Коканде хан его женил. За-

*) Записанное предание идет из рода саяков; другие, старшие роды (сарбагыш и др.) уверяют, что Тагай вывез с собою из Коканда

беременела жена, а он соскучился, уехал. „Как родится ребенок,—сказал Тагай жене,—если будет сын, отдай ему этот серебрянный ножик, скажи ему, что его отец Тагай“. Так уехал.

Родился сын. Как вырос мальчик, соображает уже в чем дело, мать дает ему серебрянный нож и говорит: „Ты везде покажи этот нож, скажи, что твой отец Тагай“. Сын выехал один из Коканда, поехал по направлению к Пишпеку. Едет он день, едет ночь—по дороге встречается его другой мальчик, одних лет с ним. Он берет мальчика с собой, велит везти свою провизию. Дальше едет он, присоединяется к ним еще один мальчик—и его берут с собой.

Приехали в Пишпек, а потом к Тагаю. Отец и сын друга друга не знают. Когда для гостей сделали „соиш“ (зарезали на угощение барана), то во время еды мальчик берет свой серебрянный нож и ест мясо. Отец, увидел, задал вопрос: „откуда ты взял этот нож?“ Мальчик объясняет, что когда то приезжал Тагай в Коканд, там женился; жена забеременела, а он уехал. От матери родился он, и когда вырос, то мать дала ему этот нож и сказала: „через этот нож ты найдешь своего отца“.

Отец снова поздоровался с ним и сказал: „Ты мой сын. Назову тебя „саяк“ (бродяга), потому что ты бродяжничая нашел своего отца. Второго мальчика назову я „азык“ (продовольствие), потому что он возил с собою твою пищу, а третьего—„чоро“ раб, потому что он сын моего джигита, который ездил со мной в Коканд“.

Отсюда и пошли три новых рода: саяк, азык чоро“. (Записано в ауле № 3 от выходцев из урочища Каргиш, перевел студент Коммун. Унив. имени Свердлова — тов. Файзи).

раба (чоро), от которого произошли потом роды саяков и чоро. Во всяком случае, оба варианта указывают, что новые роды могли произойти от разбогатевших джигитов, а также от рабов.